

НЕ ХОЧУ ЛЮБВИ НЕЗЕМНОЙ

Многие лета и благоденствия вам там.

В заповеднике Земля жизнь изобильна, и всего здесь полно разного, сотворенного Им и самотворящегося по Его (не сомневаюсь в том) воле. Хвала, хвала Ему и благоденствия на многие, многие лета!

Дела мои на огромных пространствах геоида — вместилища жизни — скромны, несмотря на старания и неусыпное бдение по сохранению и приумножению всего. Пространства эти, осмеливаюсь все же напомнить, более пятисот десяти миллионов квадратных километров (исчисление веду в земных мерах, как привык). Это, чтоб понятней перетолковать для читающих подручных и помощников, будет... в общем, будет... все же песчинка, так и нечего переводом заниматься. Время дорого — убегает, не вернешь.

Однако. Жизнь здесь исправно течет. Но вот в последнее время как-то убыстрилась и перешла на бег. И куда побежала?! А кто ее знает... Ежели не Он, то кто знает, к чему она убыстрила свое течение, этим нарушая все законы, установленные для нее.

Думаю вот что: или ось земная отклоняться понемногу стала, или здешнее солнце перегревом подгоняет бег Землицы, разогревая кору донельзя. И примеры тому есть: то снег с ее шапок стаивает, и воды целые озера набираются, а то коробит и трясти начинает в разных местах. Частенько. Землица игрива стала, будто молодая, только самой давно за пять миллиардов перевалило. Но еще крепка она, даже очень. Что тут поделаешь, и хозяйство большое, за всем не уследить. Да ладно.

Докладывал уже не единожды, что оберегаю по Его велению сущую жизнь денно и ночью, но иногда случается и наоборот. Наоборот вот в чем, поясню. Как тогда потопом накрыло сушу, а Ной (и тоже по Его воле) собрал ото всех живых разных по паре и перевез их... переправил он их... на гору высокую, ох, забыл — какую. И стали они размножаться, и снова — уже оттуда — заселять заповедник. Ну, кажется, и на этот раз пронесло, подумал я. Только вот при учете выявилось столько лишки, столько всего... И откуда? И куда его теперь? — тоже подумал я. Само оно, что ли, из себя(!) родить начало? Или как? Не понял, но все же всех пересчитал, записал и отправил депешу скорым сигналом, как и надлежало.

Еще одна завелась мелкая особь — комарь. Ох... Скученностью поражает. И поражает всякого, который шевелится. Или даже стоит себе сам собой и не шелохнется. Кровососушее.

И другого тоже — многовредного и мелкого, столько его здесь развелось. Мухи... зуды! Докучают человекам и другому живому. И мне. Взять хоть ту же пчелу... Да и мелочь эту микробную, которую трудно разглядеть.

корова морская и капуста морская с овощами в томате, бабочка-парусник, кумыс, подтопление Голландии, гора Арарат (вспомнил!), мракобесие, «Убийство на бульваре Капуцинов», Гваделупа, курганы, пистолет «Макаров», лягушка-царевна, йогурт «Киви», обратная сторона Луны, шум за стеклом иллюминаторов, петля Нестерова, неразлучники, каша из топора, билирубин, антрацит, царица Тамара.

И еще такие вопросы, на которые не нашел ответа вчера: бекасы, клятва Гипократа, колотун, сиреневый туман, хук.

И с ответом, прошу, не задерживайтесь, а не то...

А то послание, что мне переправили с оказией, почти не сумел разобрать. Почти ни-че-го. Оно же подпорчено мышью (этой твари здесь тоже предостаточно). Кое-что все же разобрал. Но вопрос и тут имеется: ежели это приспособить для человек, так не выйдет ли чего еще хуже?

Это я про технологии НАНО. (Край послания оборван, и сигнал дошел неполный, так что там, может, и другое что было, но теперь... Пускай уж хоть этим НАНО человеки занимаются. Занял я ихнюю мысль на ближайшие полвека.) И ознакомил с этим НАНО кого надо (опять же через доклад на научной сессии), как вы и прописали, ежели я правильно разобрал, тоже подпорченного много в послании. Кто-то понял, а иные... Через неделю одному (я выписал его фамилию — А. Гейм) премию давать будут. Понятливый. С самого начала моего доклада так и простоял у колонны, к стеночке притулившись, слушал меня со всем вниманием. А прочие вертели шеями и насмеялись над моими сандалиями. Вот я и намереваюсь пожать ему руку (в кулуарах, конечно). Только бы чего не вышло хуже прежнего. Чего-то я сомневаюсь. И еще сомневаюсь, стоит ли этот мой доклад Самому пересказывать. Еще голова разболится.

Но все же пока Земля вертится исправно. Где надо — морем шумит и дымит вулканами. Но вот тут было... Волна пошла отчего-то (не понял — от чего) и дошла до другого берега океана. Остров накрыла. Все смыло. Я такой команды не давал. А кто же?

Выходит, человеки и тут... Поргачат то тут, то там. Там и сям. Бури еще и торнадо. Смерчи. Дождепады. Лавины. Сели. Сели с моим помощником (докладывал, что взял себе помощника по имени... по имени... Опять забыл. Вспомню — сообщу дополнительной связью). Чрезвычайный. Везде поспекает. Серьезный, ответственный — а это редкость тут. Орел (горная птица — смотри доклад IXСВКОС-4-3). Пишу про него историйку, даже хочу в газетенку послать... такую еще... ну, у всех на слуху... А-аа... Вот и пригодился помощник, подсказал название: «Аргументы и факты». Но, говорит, не печатают они там таких историй, мало у них места, нужно рекламу гнать.

Вспомнил! Реклама.

Она везде. Двига... «двигатель торговли». Человеки без нее ничего продать не могут. Не получается у них (моя недоработка). И правда. Делают всякую ерунду, потом ее впихивают своему же брату-человеку, да еще и наживаются при плохом качестве. Купи да купи! — пристают к каждому. Пытался им (всем!!!) втолковать и через книги, и через газеты, и радио задействовал. По телевизору несколько раз выступ... Все же они их изобре... придумал (или во сне я проговорился, — говорить стал во сне).

А ведь предупреждал Самого в докладе КХМ/ХЕ-5: рано, рано! Как ни включишь его: все трещит и трещит об одном и том же, как ни включишь... Балабон. Жвачка. Но все же и я иногда посматриваю. Сериалы бывают. Длинные, томные, обволакивающие, занимающие... пустые (фу, чуть не заснул!). Потом сны снятся такие же. На работу человеки опаздывают, а сами изворачиваются, мол, будильник не зазвенел. Иногда электричество им отключаю, а спихиваю на малого по имени... Ча... Че (Не-не! Он тут ни при чем)... Чи... Чу! Чубайс! — слава Самому, вспомнил! Чтобы хоть поспали вдоволь.

Электричества не хватает. С этим тут туго. Никак человеки не перейдут на альтер... другие виды энергии. Не по-лу-ча-ет-ся у них. Ну не развивается это другое, хотя планы и есть. Плохо стараются (тоже об этом их недостаток сигналил в докладе ЖКУ/И-ПП).

Сам, наверное, недоволен. Но что тут поделаешь?! Несовершенен человеческий вид, мало работает над улучшением своей породы. Ведь я вначале как думал: Сам создал его... такого... таким. Значит, пускай будет. Но уж и я постарался. Сразнообразил: разделил на черную, желтую и белую расы. Красивыми получились. И вот они давай переопы... скрещиваться. Теперь кого только нет: креолы, мулаты, метисы, самбо...

Опять же: любовь. Придумали — нате вам! Я лично в нее не верю. То есть верю в духовное ее начало и признаю лишь неподкупную, страстную, материнскую, сестринскую или братскую, безоглядную или с первого взгляда, большую или даже огромную, неземную. (Откуда о ней узнали? — не пойму.)

Но человеки. Они чувства(!) перевели на материальные рельсы, появились разновидности: бездуховная, жестокая, расчетливая, ветреная, скороспелая, бездумная, продажная. А вот еще две заявили о себе в полный голос: гейская и лесбийская. И к чему они — не понял. Отпочковались. Аппендикс (об этом есть в докладе V/ХАУН-3). И что с ними прикажете делать?! Бьются за равноправие, с плакатами ходят, и даже нагишом. Понаблюдаю пока. Лет так сто. Или меньше. Очень жалко их: климат меняется, и не в лучшую сторону. Жалко, жалко. Уж очень мерзнут.

И морозы. Бьют рекорды. Жара тоже. Я проживаю в умеренном поясе. Осень — зима — весна — лето. Выходит, себе и придумал (получил одобрение от Самого).

На этом пока заканчиваю. Вспомнил фамилию помощника! И имя! Вспомнил!.. Но опять забыл. Читал же. Или в Интернете. (Думал, опишу про это в следующем послании, но уж ладно.)

Откуда он взялся — этот Интернет? Они перешли все грани дозволенного. Вседозволенность это. Я им лишь намекнул, что есть еще и такое... Приоткрыл. А они. Ухватились за мою мысль... Пошло же оно с этого... как его... паутина-сеть. Вроде бы начиналось все невинно, чтобы почта была поскорей. Обмен информацией.

Ладно, подумал, это можно, а они... Задурили мне голову, сканировали мысли и — в разработку. Хакеров тут развелось!.. Каких-то «жучков» навтыкали кругом... Я пока не разобрался с этим. Не виноват я, они сами! Скажите... передайте Самому...

Или уж решусь да сей доклад Ему пошлю. По особому каналу. Воспользуюсь однажды.

Они сами до всего, точно... Я лишь хотел... Но что будет, то будет... Покорюсь Его решению. Многие и многие лета и благоденствия Самому.

Ежели Его решение будет: покинуть это обиталище... и перекинут меня... скажем, куда подальше... Я покорюсь, конечно. Но. Пускай Он учтет мои заслуги... Пускай Он...

Ведь было Его одобрение, было. Понимаю: виноват. Ежели он мне даст возможность... Тогда я... так буду стараться... Так буду тут...

Привык я к Земле. Прикипел. Залюбовался ею. Любовь у нас образовалась. Нашла на нас. И обрели мы ее все же по Его воле, факт. Не хочу любви неземной!

Пускай Он меня здесь оставит хоть в каком качестве! Я и микробом согласен. Такая она прекрасная — Земля! Раздольная, приветливая, ласковая... Солнце, между прочим, тоже ее любви добивается... Да я схитрил, опередил! Пускай теперь изрыгает свои протуберанцы... Они не пройдут!!! Я подправил все. Было одно кипение и пар, а теперь — климат. Земля ко мне после этого и благоволила стала. Живность расплодилась всякая, трав — великое разнообразие, деревьев — рябь от них в глазах, так много всяких и разных. Нарядил ее.

Тогда и она влюбленность свою показала. Откликнулась. Хожу по ней, парю над ней, ввинчиваюсь в нее. Не возражает. Значит, любит.

Но больше я здесь человеком пребываю. Ловлю руками брызги водяные с ее речных водопадов, меряю шагами Землицу милую, плыву по ней в лодке, катаюсь на санках с горочек, глажу плугом ее кору, засеваю пашню хлебушком, кошу... Какие покосы здесь!.. Ветер в море ковыльным пенит метелки, набегают волна на волну...

А моря-океаны!.. Она ветерок нагоняет, паруса им наполняет, я же правлю ладью в открытое море. В океане рыбы — полные кошельки нагребая.

Виноградную лозу взрастил на ней! Янтарные сорта, элитные — для нее. И она... Тоже душу свою оборотила человеком, рядом всегда находится. Ясноглазая, румянец — заря красная, в голубом сарафане, в кокошнике, расшитом звездным жемчугом. Как начнем мы с ней выплясывать!.. Это все она. Я при ней.

Земля и Емеля — так нас кличут на селе. Дом будем ставить новый, пятистенник. Примером заражаем иных, чтоб весело жили.

Вроде поняли. Но в последнее время наши соседи стали возводить дома для своего поселения на манер сот пчелиных, весь заповедник застроили ими. Домов много, да только в них люди одиноки. И все-то они норовят вверх, все вверх — дирижаблями, самолетами, ракетами вырваться хотят отсюда. А зачем?

Взлетел я и туда — под самую-самую, осмотрелся с высоты окрест. Красиво, да, но оттуда все малоразлично. Из моих пещер им хоть видна была внизу, как на тарелочке, кора земная с речками и озерцами, болотами и лесами, а отсюда... Что ж. И, главное, помощник толковый, изрядно помогает. С ним будет легче им выжить. (А из ума я не выжил, пускай об этом никто не подумает.)

Продолжаю мысль. Понесла она, моя Землица, тяжелая стала. Кого-то родит?.. Мечтаю о сыне. Юпитер уже где-то есть, и Марс крутится, Сатурн в вышине мигает, Венера горит, и Плутон по орбите бежит... Сам его назову... Может, даже свое имя ему дам.

Брата Луне забросим — Емелю. При нас всегда будут, спутниками. Семья наша растет. Замолвите за меня словечко.

Не хочу быть микробом! Не надо меня — им.

Пускай оставит на Земле Человеком.

ЖИЛО-БЫЛО

Жили-были...

Жил-был...

Жила-была...

Жило-было... Было да сплыло.

— Говорил же: поплывет! Вот оно: плывет!

— Всплыло и плывет себе... Ну!..

— Еще пару минут — и все! Там поворот крутой...

— Да... Не увидим больше. «Там поворот крутой делается с рекой...»

— Поете... Вам, Первоуродов, ничего нельзя доверить серьезного. А вы, Горбушенков, годитесь разве что в сметчики.

— Это как понять — «сметчики»? А, Павел Егорыч? Сметывать одежду, что ли? Портной, по-вашему, выходит, я? Или кто?

— Бывало, когда все зерно выметут со склада, бабка Агафья кричала нам: «А ну, сметчики, зараз хватайте метелки, и чтоб ни одного зернышка не закатилось в угол!» Разве ж это для нас, шестилетних, труд?! Наметенное зерно шло нам в уплату за работу. Чисто вымели до нас, лишь по углам, будто кто-то пшеницу не заметил. Но все законно. А мы — ладошками, ладошками... Иной раз домой

приносил два кармана пшенички на кашу. Мать радовалась: ей-то за трудности ставили одни палочки.

— Плывет себе... Уплывает же!..

— Так оно больше ничего делать не умеет.

— Чего ему уметь-то?! Живое оно, что ли? Живое!.. А коли живое...

— Живое?.. Ишь, оно вроде бы шевельнулось там... Побарахталось...

— Павел Егорыч, а, Павел Егорыч! Если оно без рук-ног, то чем же ему тогда барахтаться? Шлеп, шлеп — слышите?

— Может, хвостом?..

— Тулово — бревном, а брюхо выпирает... Ног-то не было у него! И рук.

— Не было, Горбушенков, точно. Чем же тогда оно?.. Вот ведь даже...

— Плюхает... Плюхает!

— Плюхает и хватается за воду — чем?

— Точно, Полукаров, нечем ему плюхаться. Но ведь слышно же: плюхается.

— Павел Егорыч, оно фыркнуло сейчас!..

— Да, фыркнуло!.. А ведь ему нечем, Саня, фыркать. Не-чем. Это обман слуховой. Странно... Вот, сейчас точно: мне тоже почудилось ни с того ни с сего, будто бы оно чихнуло. Даже такое вот, знаете... эдакое...

— Вы как хотите, мальчики, а ведь и я слышала: чих! Чихнуло оно громко, я услышала тоже.

— И Зое Верещагиной не показалось, и она тоже слышала. Чихает... Это ведь... Что же это за...

— Сань, Сань, подгребает оно...

— Ага.

— Ой, мамонька, подгребает!.. Ты же сам говорил, что рук-ног нет. Говорил?

— Не было, факт! Гребет-то как споро... Оно.

— Согласен: Оно. Несу его, а Оно будто тяжелеет у меня в руках, наливается... Я и выпустил у берега... Упустил его... Оно и поплыло... Ха-ха!

— Первородову все хиханьки да хаханьки. Почему меня не спросили, умники, когда такое затеяли?! Я все-таки взрослый, учитель, наконец... Хотя и на пенсии.

— А то что бы?

— А то бы! Троечники за что бы ни взялись, у них выходит абы как. Вот я бы не упустила! Да, Павел Егорович?

— Гм... Гм... Зоя, тихо, тихо!..

— Оно тогда вроде бы вертанулось у меня под мышкой, когда нес...

— Мы же договорились, чтобы без Пал Егорыча не трогать его.

— Уф, подгребло. Вот оно, вот же! Поблескивает себе... Нету у него рук-ног. Нету, и точка! Чем же оно чихало, если носа тоже нет? Фыркало еще.

— Может, засунем его в сумку? Засунем, а? Легче ж нести будет. Не выскользнет тогда.

— Ну, головой вниз попадем, ему же плохо станет или еще чего хуже...

— Носа нету, рта нету и головы тоже. Ему, может, все равно.

— Лично я не согласна: чтобы его — головой. Они, Павел Егорович, такого напридумывают, что мы с вами потом до-о-лго исправлять будем. Ничего хорошего и не ждите! Я — против!

— Против чего, Зоя?

— Не против чего, а против того, что его к Милованову понесут. Он, во-первых, с нами не ходил, во-вторых, Милованов здесь и ни при чем, значит...

— Как же? Я думал, его нашли вы, Зоя. Разве не вы?

— Выпихивается на берег!.. Ишь, раскачивается, сейчас, сейчас Оно...

— Выпихнулось... Фу, ты!

— Это, может, волна была. Его — волной — и того.

— Волна? И мы — никто-никто — не видели? Волна какая-то еще...

— Оно выпихнуло себя на берег. Само. Себя. Все и видели. У Милованова родители еще неделю будут на курорте, старшая сестра лишь забегает проведать да покормить, у нее своих забот хватает. Точно, снесем его к нему. Лучше бы ко мне, да теща у меня сварливая. Слух у нее обостренный... До всего ей дело есть. А то бы лучше ко мне.

— У Павла Егоровича бабушка Лукерья похожа на Бабу-ягу. Хи-хи! Мама рассказывала, что она даже в партизанах была. Боевая она у вас, Павел Егорович, боевая уж очень!

— В ноябре сто лет праздновать будем, может, поутихнет тогда. Ох, и командовать она горазда, а так вроде ничего. Ко мне со всем уважением, часто блинами потчует, со сметаной. Моя-то Анна поспать утром любит, а мать-старушка за нее отдувается. Нам ведь уже далеко за семьдесят, далеко...

— Рано бабушка встает у вас, до всего ей дело есть, а то можно бы и к вам, да, Павел Егорович? Рано ведь она только встает... И, главное, до всего ей дело есть...

— Глядите, Оно крутнулось — вжик!

— Или нет?..

— Да! Моя Анна не даст — чтобы ко мне. За мать переживает, за бабу Лукерью: сердце у той стало сдавать. А то бы я к нам взял... У меня и комнатенка есть подходящая, с отдельным входом. Даже зимой там тепло...

— Все, решено: к Милованову, а там будет видно.

— Разве не вы, Зоя, его нашли? Я думал вы. Кто же его нашел?

— Шел я себе... шел... Пал Егорыч, я шел там, между сараем и копешкой сена, по ничейной земле... Иду я... Земля-то ничейная, ни Сафоновых и ни наша. У нас полные двадцать пять соток под домом и огородом, и у них тоже. Так и осталась она ничья. Заросла лебедой да крапивой. Там, Пал Егорыч, крапива такая жалюющая, такая жалюющая!.. Иду себе я... А Оно — вот, ну, у дорожки лежит, пыхтит...

— Пыхтит? Это как?

— А так: пых, пых! Хочет через бревнышко перелезть, но — никак. Бревно так себе, сантиметров двадцать диаметром, а Оно пыхтит, тужится... Я взял да и...

— Страшно было?

— Не-ет... Жалко его стало. Думаю, маленький какой, даже через бревнышко перелезть не смог... Я таким был в три года... неумехой. Вот помню...

— Жалко? Вы, Первородов, извините меня, пожалуйста, за сравнение, как тот дятел: жалко да жалко, тук-тук, тук-тук... Кого жалко? Оно разве живое?! Как вы, Леша, его могли пожалеть, если неизвестно, живое ли Оно? Лично мне неясно. А вам?

— Вот Оно лежит и... Ерунда какая! Оно же дышит! Слышите? Боря, Санька! Ды-шит. И воздух всасывает, словно Оно младенец, посапывает даже... И ты, Колька, не слышишь?

— Да слышим мы! Младенцы не могут плыть... по волнам. Они сначала беспомощные.

— ...Ух ты!.. И вот Оно лежит себе у дорожки, кругом одна крапива выше меня, жгучая...

— Ах, крапива!.. Все, Павел Егорович, лично я его могу и к себе взять. На время, конечно. Но только, вы же знаете, моя Муська его оцарапает, если я не успею ее отогнать. Она у нас дикая. Нам родственники ее в корзине из Монголии привезли, породистая. У нее может быть даже стресс и прочее... Не верите? Нас предупредили.

— ...В той крапиве есть лаз к нашему сараю... Я и решил его туда. Тихо так лежит у меня на ручках, пригрелось... Бочок розовый... Жмурится на солнышке.

— Чем — жмурится? Ладно. Думаете, Леша, Оно — младенец? И все-таки, Оно — младенец? Так-так... А чем же Оно питается, как думаете? Есть мнения?

— Мне все понятно. Лично я, Павел Егорович, думаю, нет, я уверена, что Оно живет и существует за счет внутренних резервов или даже ресурсов.

— Зоя, вы что же, как вас понимать: выходит, Оно живое? И Оно — младенец?

— Я не утверждаю, я предполагаю. Дети все розовые, сама видела! А этот даже чмокает во сне и... У кого есть другие мнения? Ну же!

— Может быть. Может. Быть. Ты отличница, вот тебе и делать выводы. А только и я на этот счет имею свое и тоже личное мнение.

— И оно другое? Говорите, Горбушенков, если оно иное.

— Я согласен с Пал Егорычем, что нести это нужно к Милованову — безвариантно. И еще. Раз есть ребенок, так есть и родители! Разве я неправ?

— Боря, вы правы... Еще в шестом классе вы поражали меня неординарностью своих мыслей. Но продолжим слушать Первородова Алексея. Ну же!

— ...Взял я его на руки. Несу. А Оно дышит и как-то... пéхается. Тык-тык, тык-тык. Чего ему? — думаю. Чуток качнул, припотряс. Маленький какой, кушать хочет...

— Ты думаешь, Оно питание просило? Чем же его накормить? Ой, Лешенька, я бы от жалости сразу умерла! Вот когда передают по телеку про голодающих детей Африки, так я всегда плачу.

— ...Тычется и сопит. Сопит и тычется. Толчки ощущаю, а вот чтобы Оно явно тыкалось — не вижу. Но чувствую. Вот ведь какая ерунда получается! Поклал его в сарае на колоду... Положил то есть... Колода огромная!.. Нам досталась от прадеда Прохора Никитича, еще он на ней мясо тюкал на щи. Лежит. У меня вдруг мысль: а вдруг Оно свалится? Все же маленький он... Оно... Колода — ого-го какая! Подумал так, и давай место искать пониже и пошире...

— Шире, место пошире. Так говорят грамотные люди...

— Тише ты... отличница! Леха, дальше-то что?

— ...Взял да и перекла... Я его положил прямо на сено. У нас заготовлено сена — во! На сене Оно и заспело, заурчало да и уснуло себе.

— А корова?

— Наша Милка пришла вечером, потерлась боком о ворота, сразу же — в калитку и к сараю. Там мать пошла ей сготовила, потом давай ее доить. Подоила...

— Это неинтересно.

— Тебе неинтересно, так и не слушай! А нам все интересно. Давай, Леха, что дальше-то было?

— ...Мать выдоила Милку, молоко процедила, ведро с молоком поставила на лавку и накрыла марлей. Меня увидала и окликнула: чего домой не иду? Потом она с Милкой поговорила...

— А ты где был?

— Я рядом с ним пристроился на сене, от матери загородил. Мать говорит себе, а я слушаю ее, слушаю... Заснул я. Проснулся от ее крика: будто я(!) разлил молоко, целое(!) ведро! Я же спал, говорю. Не поверила. Влетело мне тогда.

— Выходит, Алексей, вам неизвестно, куда молоко подевалось, да?

— Известно. Мне все известно, Пал Егорыч. Я когда спал, то слышал, как Оно чмокало, то есть сосало наше молоко.

— Само? Не трогаясь с места?

— Ага. Само. Не трогаясь с места. Первый сон у меня всегда чуткий, вот ведь беда!.. Я не видел, но все-все слышал. Оно его высосало, не вставая с места. У него же нет рук-ног. Факт. Я тогда и решил отнести его к Милованову, а то мать у меня с того раза строгой стала, жуть!

— Исторический факт... Вы, Алексей, прямо герой у нас в селе! Я хотел сказать, что из таких мóлодцев космонавты выходят. Боевой и даже изобретательный.

— А из нас?

— Из вас?.. Без сомнения. Тоже когда-нибудь и вы станете... Леша, а он по весу — тяжелый?

— Так себе. Нашей Катьке скоро пять, так она легче будет.

— Да ну?!

— Вот, ребята, давайте решать: кто будет нести? Оно, выходит, тяжелое.

— Павел Егорыч, вы взрослый, у вас ловчее получится, берите вы его.

— Не-е... У Пал Егорыча радикулит был весной, помните? Ка-ак скрючит его, так он сронить может.

— Озаботился, как же! Тебе разве неизвестно, Первородов, что взрослые все-все делают лучше?! Тоже мне — «сронить». Так неграмотно говорить! Скажи: уронить!

— Леша, голубчик, берите вы. Вы уже его несли, ощущали в своих руках... Не уроните ведь? Да тут и недалеко. Зоя, вы несправедливы к нему. И притом часто.

— Да что вы все: «уронишь, уронишь»! Я нашу Катьку так таскал!.. Вон она какая — живехонькая! Еле от нее сейчас убег.

— Ну вот, сколько ему говорить об одном и том же: «убег»?! Павел Егорович, все же лучше бы вам.

— Берите, Леша, а вы, Боря, помогайте ему. Коля, подстраховывайте!

— А я? Я — лишняя?

— Зоя, бегите впереди, чтобы никто не попался по дороге, а то шуму будет...

— Опять пехается. Неудобно взял его. Переложу... ой... перекладу... В общем, по-другому возьму его. Уже тихо лежит... Затихло Оно. Ах, ты ж!..

— Боря, Боря, не прилипайте к Леше, мешаает!

— Колька, открой ворота, там вертушка в прорези! Хорошо, что мать в конторе еще, и Катька не бегаёт во дворе. Айда к сараю!

— Вот тут бы его и оставить... Все-таки корова рядом, и от посторонних глаз спрятать легко. Да, Павел Егорович? Легко ведь?

— У Миловановых было бы легче досматривать, у них дом большой, и родители в отъезде. Лежит тихо... Ладно уж, пускай тут.

— Ага, тихо лежит. Только глазами лупает...

— Глазами? Какими такими глазами?! Где они у него?

— Откуда я знаю... А только чую, что смотрит Оно. Рассматривает... Смеется...

— И мне так кажется...

— Саня! Вам тоже такое мерещится?

— Да, Павел Егорыч. Тоже. Изучает нас...

— Нас?

— И подросло Оно вроде... И желтого цвета прибавилось вот тут...

— Подросло... Еле донес, даже руки онемели. А ну, не мешайте мне! Я его буду сейчас лóжить.

— Все, все, «лóжить», так «лóжить». Я и не против. Хотя... Если Оно нас изучает, тогда мы должны завести с ним умную беседу, хорошо себя показать. Да, Павел Егорович? Начнем?

— Вам, Зоя, и начинать.

— Я посмотрю на тебя, такую умную! Беседу она начнет!..

— Пускай уж лучше она начнет, все-таки языкастая, факт.

— Фи! Хорошо, пускай я. Буду громче говорить, чтоб понятней. Скажите, пожалуйста, сколько вам лет? А? Молчит.

— Так Оно и скажет тебе...

— Наша Катька до трех лет молчала, а потом как пошла, как пошла!.. Теперь и не остановить ее. Одними стихами Михалкова и Маршака говорит. Чуковский ругается!.. И на все у нее есть ответы в стихах. Тоже, небось, отличницей будет. Читает уже сама и...

— Я больше не знаю о чем спрашивать. Давайте вы!

— Будьте добры, пожалуйста, если вас не затруднит, ответьте на такой мой вопрос: откуда вы и как сюда попали? Молчит, ребята.

— Оно потому молчит, Павел Егорыч, что языка нашего не понимает.

— Что ж, Боря прав, как всегда он мыслит нетривиально. Надо будет его обучить нашему языку, какие-то занятия провести, что ли. Саня, вы ведь иностранному — лучший ученик?

— Еле-еле за Верещагиной успеваю. Лишь в последней четверти сравнялся, пятак получил. Все вечера трачу на этот занудный язык. Отец уже достал меня: выучишь лучше Зои, тогда в Москву возьму на каникулах. Ей-то хорошо, она отличница, им, отличникам, легко учить... А у меня трудное детство было...

— Какое такое — трудное? У тебя же и отец, и мать есть, сестра есть, еще и бабушки-дедушки.

— Да я с лестницы в пять лет упал, с шестой перекладки, сотрясение у меня было страшное! Мать рассказывала, что даже заикался я. Потом прошло.

— ...Лежит Оно и смотрит на меня!.. Я же ни бельмеса не понимаю по-английски! Еле-еле тройка поставила англичанка. Мать ей три десятка яиц отнесла в конце четверти, еще и сметаны литр. Ой, Оно мне сейчас сказало...

— Тебе? Мы ничего не слышали...

— Там сказало, прямо в голове как-то там... Сказало, что хорошо меня понимает. Вот. Само. Мне. Сказало, что бра... благодарит за приют...

— Еще бы: выцедило ведро молока Милкиного!

— Леш, тогда поговори с ним ты! Ну, поговори, Оно же нас с Павлом Егоровичем не понимает!

— Что же, Алексей, Оно выбрало вас.

— Я тоже хочю с ним пообщаться!

— Саня, помолчим. Вы, Леша, спросите его, о чем хотите!

— Спросил.

— Мы не слышали. О чем спросил?

— Я не вслух спросил.

— Как это?

— Он про себя спросил, без голоса, только в голове мысль сформулировал, не высказывая вслух. Да, Алексей?

— Говорит, что... Я спросил его, Пал Егорыч, о чем Оно сейчас думает. А Оно мне свой вопрос: где у нас тут... эне-ге-ти-че-ская под-пит-ка?

— Мы-то считали, Оно маленькое, ребенок еще... А-а-а, понятно... Сейчас вот вроде бы с их стороны кто-то из взрослых вмешивается в разговор... Или нет?.. Я не все понимаю...

— Трудное задание вы, Леша, получили.

— Ага, трудное. Будто кто-то мне в голову эти слова вдолбил кувалдой, да только они рассыпаются на буквы, как мозаика... Не удержать мне их в голове...

— Может, Оно спросило про нашу подстанцию?

— Какую?

— Да за элеватором, у Дальнего косогора. Там еще всегда замок висит.

— Правильно, что замок, а то еще током кого ударит. Вот я помню, отец рассказывал...

— Потом, Леша, потом расскажете. Вечереет. Можем и не успеть. Думаю, они про подстанцию поняли. Спросите его, откуда они?

— Говорит, из созвездия Весов. Опять кто-то подправляет его: звезда второго порядка семь-семь-ноль.

— Ого! Второго порядка, значит есть еще и первого. Спросите, Леша: сколько их тут у нас?

— Ответило, что много. Оно с родителями было, а потом... спряталось от них. А они подправили: выпало из поля защиты. Рас-ша-ли-лось...

— Я так и думал: Оно ребенок и есть! А кто его родители?

— Говорит, что путешественники. Ну, что-то вроде отпуска у них. Изучают нашу... фро... флору и фауну. Слова трудные, надо будет запомнить.

— Что тут запоминать, мы это прошли еще в третьем классе по природе?!

— Зоя, тише! Так-так... А вдруг родители его не найдут? Спросите, Леша!

— Смеется Оно. А они говорят: это невозможно, чтобы не нашли. Сейчас они все... ну... в общем, исправят все сейчас. У них это... как его?... четко. Им перед путешествием вживили... такую штуку... такую малюсенькую... вроде бусинки. У них это есть у всех, никто не потеряется.

— Вживили?.. Оно живое, не робот!!!

— Робот... Вы уже и об этом думали, Боря?! Ладно. Стемнело как быстро. Как же мы его тут оставим одного? Надо бы организовать дежурство.

— Не надо дежурства, Пал Егорыч, не надо. Я быстрехонько домой сбегая, мать успокоится, ну, что пришел наконец-то. Потом на бегу поем чего-нибудь — и спать...

— Спать?!

— Понарошку. А сам нырну в окошко — да в сарайку к Милке. Вот и Милка вернулась. Слышите? Боком трется о ворота. Сейчас мать выйдет ее встречать. Вышла, калитка скрипит... Отец наказал смазать дегтем петли, а я забыл... Завтра мне достанется...

— Ладно. Поздно уже. Утром после восьми — все сюда. Коля, не проспите! Вы, помню, всегда на уроки опаздывали.

— Не просплю. Я... я вообще ложиться не стану. Тут такое, и чтобы я да проспал!..

***

Поутру, лишь стало светать, задул сильный ветер, прямо-таки смерч пронесся над Дальним косогором села Веревки. Но потом утихло, народ разошелся по своим работам, рассказывая друг другу про ветер, шум, кивая, соглашаясь, что да, ветер сильный был, провода перепутывал, даже лампочки враз потухли... Подумали: надолго. Ан нет, все опять ярко загорелись. Нашумело знатно.

В сарае Милка мирно жевала свежее сено, из-за сильного ветра ее побоялись выгнать в стадо на луг. Леша искал банку с дегтем, чтобы смазать ворота; нашел ее в сарае на колоде, перевернутой; дегтем была вымазана и колода, и сено извожено рядом. Он поскреб затылок, что-то припомянул. Но память не удержала событий предыдущего дня, а ведь было, было... Будто сон приснился, но поутру уж и не вспомнить...

Калитка вдруг сама собой перестала скрипеть, заодно и ворота, словно петли кто-то густо смазал дегтем. Кто бы?

